

"...Там поразить врага не преступенье;
Верна там дружба, но вернее мщенье;
Там за добро — добро, и кровь — за кровь,
И ненависть безмерна, как любовь."
М. И. Лермонтов «ИЗМАИЛ-БЕЙ»

Ему было лет сорок. Что-то около сорока. Худощавый, подтянутый. Умное сильное лицо. Русая челка то и дело падала на глаза, он отбрасывал ее в сторону привычным поворотом головы.

Алексей расхаживал по кухне своей крохотной, делал сразу тысячу дел по обыкновению: правой рукой, зажатой в ней деревянной лопаткой переворачивал отбивные, шипящие на сковороде, в левой держал страницу с машинописным текстом, между плечом и ухом лежала телефонная трубка.

— Я не могу завтра! — Говорил он в трубку, успевая присмотреть за мясом и вычитывать текст. — Ни завтра, ни послезавтра. Ген, мне рукопись сдавать через неделю, а тут еще. Конь не валялся. Где "Вегета"-то, черт подери. Нет, это я не тебе, это...

Он потянулся за банкой с приправой, стоящей на подоконнике. Глянул в окно машинально. Человек в темном плаще шел через двор.

— Что? — Спросил Алексей в трубку. — Кто оппонент? Митрофанов. А как же...

— Он не сводил с незнакомца взгляда, внимательного, напряженного взгляда. — Полгода его окуливал. Как же... Вот что, Гена. — Пробормотал Алексей, наблюдая за незнакомцем; уже было ясно, что тот идет к его дому. — Гена, я тебе перезвоню. В дверь стучат. Ага.

Он положил трубку. Нашарил рукой сигареты на ощупь. Незнакомец приближался к дому. Уже можно было лицо его рассмотреть: смуглое, бледное. Алексей вспомнил про отбивные, метнулся к плите, притушил огонь. Вернулся к окну. Незнакомец исчез. Вошел в парадное? Он мог войти в соседнее.

Алексей достал сигарету из пачки. Бросил и сигарету, и пачку на подоконник. Быстро прошел узким коридорчиком мимо самодельных книжных стеллажей, в прихожую, к дверям. Замер у дверей, выжидая. И вздрогнул от звука звонка, короткого, острого. Открыл дверь. Незнакомец стоял на пороге.

— Сразу открыл. — Сказал незнакомец вместо приветствия. — Будто ждал.

— Я вас в окно увидел. — Алексей посторожился, впуская незнакомца в прихожую, закрывая дверь. — Понял, что ко мне. Уж не знаю, как понял.

— Ты один? — Незнакомец настороженно огляделся.

— Один. Алексей. — Алексей протянул ему руку. Незнакомец пожал ее, но своего имени называть не стал. — Проходите в комнату! — Незнакомец молча покачал головой. Алексей смотрел на него с какой-то странной смесью страха, надежды, растущей тревоги, безмолвной мольбы.

— Вы — от него? — Спросил Алексей наконец. — Там... Все хорошо?

— Там все хорошо быть не может. — Сказал незнакомец негромко.

— Я волнуюсь, простите. — Алексей не знал, куда деть руки, стал развязывать фартук, говоря торопливо, бессвязно, словно оттягивая то, страшное. — Два месяца, как нет вестей. Я уже боюсь и... Он жив? — Спросил он быстро, решившись.

— Нет. — Ответил незнакомец. — Потому я и пришел сюда, а не к вашей матери. А Алексей уже развязал фартук. Теперь он завязал его снова. Медленно, на два крепких узла. И вжался спиной в стену. И поднял на неизвестного глаза.

— Твоего брата убили, — сказал незнакомец.

Он снял с головы шапку. Не торопясь. Он все делал неторопливо, размеренно, без суеты.

Алексей смотрел на него неподвижным, застывшим взглядом. Кивнул молча. Незнакомец достал из-за пазухи сверток. Развернул бумагу. Протянул Алексею фотографию.

— Их усыпили газом и взяли в плен. Десять человек. Твоего брата Аслана — тоже. Вот, возьми.

Алексей смотрел на него тем же немигающим пристальным взглядом. Не двигаясь. Не шелохнувшись. Тогда незнакомец взял его руку, поднял ее ладонь вверх и вложил в нее фотографию.

— Капитан, контрактник, приказал их расстрелять. — Незнакомец жестко усмехнулся. — Чтобы не тащить пленных с собой. Один из

солдат отказался. Он пристрелил его первого.

— Ты сам видел? — Почти неслышно спросил Алексей. Странное дело: он слышал свой голос, он задал вопрос, а чувство было такое, будто это не он, не с ним это все, и не его это голос, и не его это ладонь, мокрая от пота сжимает фотографию, — квадратик темной бумаги с резными зубчиками по краям.

— Я не видел, — ответил незнакомец. — Но я знаю. Их видели две наши женщины. Они и похоронили убитых. Оплакали. И русского солдата тоже. Фотографию твоего брата нашли в нагрудном карманчике.

Алексей все так же держал в вытянутой руке фотографию. Молчал. Незнакомец участливо коснулся рукой его плеча.

— Он будет отомщен, — сказал незнакомец. — Нашли мы этого контрактника. Здесь он, в твоем городе, в отпуске по ранению. Гроб по Максименкову Юрию Пафнютвичу считай уже заказан.

— Я убью его, — сказал Алексей.

— Есть кому.

— Я сам! — выдохнул Алексей сквозь зубы.

Незнакомец покачал головой.

— Ты лучше занимайся своей наукой, пусть знают, что мы не только воевать умеем.

— Я убью эту сволочь! — Воскликнул Алексей, прижимая к груди фотографию.

— Я же сказал. Это сделают другие.

— Адрес! Его адрес! — Алексей бросился к вешалке, снял куртку, набросил ее на плечи, безуспешно пытаясь попасть в рукава.

— Нет у нас его адреса, — покачал головой незнакомец. Похоже, что он лукавил сейчас.

— Адрес! — Алексей встряхнул его за грудки. — Его адрес!

Незнакомец спокойно смотрел на него, не пытаясь вырваться. Спросил с иронией:

— Послушай, парень, а ты как собираешься это сделать?

— Не знаю, — Алексей убрал руки, опустил голову. — Но я, я его...

Он снова схватил незнакомца, моля:

— Пистолет! Мне нужен пистолет. Незнакомец пожал плечами.

— Ты что же, думаешь, так и ходим с пистолетами?

— Не знаю. Дайте мне пистолет! — взмолился Алексей.

— Я тебе уже сказал. Это сделаешь не ты. Другие.

— Пистолет! — заорал Алексей. — Сегодня! Нет, сейчас! Сейчас же! Дайте! И, обеспамятев от горя, от гнева, он стал ощупывать карманы незнакомца.

Незнакомец резко отвел руки Алексея в сторону.

— Извините, — пробормотал Алексей, с трудом приходя в себя.

— М-да, — вздохнул незнакомец. — Возьми себя в руки. Остынь! Это произойдет не сегодня и не завтра. Такие дела сгоряча не решают.

— Когда принесете пистолет? — Перебил его Алексей нетерпеливо. Незнакомец впервые за вечер улыбнулся. — А ты хоть получишь полурусский, смотрю, нашей крови в тебе побольше будет.

Он взял за ручку двери и добавил: — Я зайду через пару дней. У тебя горит.

— Что? — Алексей непонимающе уставился на незнакомца.

— Горит у тебя. Гарью тянется, — незнакомец шагнул за порог, тихо прикрыв за собой дверь.

В кухне, заполненной дымом, шипели на почерневшей сковороде обуглившиеся отбивные. Он взялся за ручку раскаленной сковороды и, вскрикнув, тут же отпустил ее.

Потом снова потянулся к ней, резко взялся за ручку, поднял сковороду перед собой и держал, держал, продолжая стонать от боли — физическая боль заглушала ту, другую, невыносимую. Он швырнул сковороду в грудку тарелок, лежащих в мойке. Ладонь распухла, вздулась пузырями. Он опустился на пол, забился в угол, умолял. За окном гулял ветер, шумел в ночи дождь.

Уличные часы показывали половину девятого утра. Алексей спрыгнул с подножки троллейбуса, огляделся, отыскал взглядом будку с надписью "Горсправка", подошел к ней. "Справка" начинала работать с девяти. Он снова огляделся. Достал пачку сигарет. Закурил, медленно пошел вперед, глядя себе под ноги. Остановившись у какой-то лавки, рассеянно попросил стакан воды.

— Мы не разливаем.

— Давайте бутылку.

— С вас семь тысяч.

Алексей прямо у стойки открыл пластмассовую бутылку и стал пить из горлышка. Долго, жадно. С добрую половину бутылки. Поставил бутылку на подставку и поборол по тротуару. Некоторое по походке принимали его за пьяного. Сторонились. Снова будка "Горсправки". Алексей прильнул к окошку:

— Будьте добры, мне... у меня только фамилия, имя, отчество, но мне очень важно узнать адрес.

Соавторы:

Роман Балаян (режиссер, не нуждающийся в представлении), скрепя сердце, молчаливо согласился на публикацию, предваряющую близкие съемки.

Марина Мареева (сценаристка, выпускница ВГИКа мастерской Е.Габриловича и С.Лунгина) чудесным образом движет реальный кинопроцесс. По Мареевой снимали А.Хван ("Шнур"), Б.Токарев ("Отшельник"), В.Новак ("Принцесса на бобах"); снимает В.Сорокин ("Тоталитарный роман"), собираются Р.Балаян и В.Меньшов.

— А год рождения?

— Не помню, — печально улыбнулся Алексей. Женщина за окошком глянула на него, усмехнулась.

— Думаю с таким отчеством их не должно быть много, — просительно посмотрел ей в глаза Алексей.

— Это какое же у него отчество?

— Пафнютвич.

— М-да, — качнула головой женщина. — Имя, фамилия?

— Максименков Юрий Пафнютвич.

— Не уверена, что мало. С вас пять тысяч. Алексей полез в карман, протянул крупную купюру.

— У меня не будет сдачи, — развела руками женщина.

— Сдачи не надо. — Попытался улыбнуться Алексей.

— Многовато.

— У меня времени в обрез.

— Ладно. Погуляйте минут десять.

— Спасибо.

Алексей бродил по тротуару, рассеянно рассматривая витрины. Дошел до лавки, где

**Марина
МАРЕЕВА,
Роман
БАЛАЯН**

брал воду. Бутылки на подставке не было. Алексей двинулся дальше, потом вернулся, заглянул в окошко лавки и, смущаясь, попросил:

— Девушка, я могу выпить еще из своей бутылки? Девушка посмотрела на него приветливо и улыбнулась:

— Крупно было взято ночью?

— В смысле? — не понял Алексей.

Девушка щелкнула себя по подбородку указательным пальцем и снова понимающе улыбнулась.

Алексей печально усмехнулся:

— Да, да, вы правы... слишком даже.

— Надо знать меру, — добродушно посоветовала девушка. — Кофе хотите?

— Спасибо. Боюсь — долго готовить...

— А у меня свой, в термосе. Она налила ему из термоса в стаканчик.

— Что пили-то? — спросила буднично, без интереса.

— Да всякое. — вяло, не поддерживая диалога, ответил Алексей. — Хороший кофе.

— Так что пили-то?

— Если честно... — начал Алексей.

— Понятно, — кивнула девушка. Подошел какой-то парень:

— Пачку "Президента".

Алексей глянул на часы, бросил в окошко "Большое спасибо" и отошел от лавки. В двух шагах от "Горсправки" остановился, отдышался и, медленно, ватными шагами подошел к окошку.

— Ну как? — безнадежно улыбнулся он женщине.

— Где вы ходили, я уже выглядывала. Поздравляю. Действительно, такой один. Вот адрес и квитанция. Сейчас я вам верну сдачу, а то действительно многовато.

— Вы мне сделали больше. Спасибо, — поблагодарил Алексей, невидящим взглядом рассматривая бумажку с адресом.

— Ну, спасибо, — поблагодарила довольная женщина. — Привет вашему Пафнютвичу.

— Да, конечно, — пробормотал Алексей, отходя от окошка. Он чересчур аккуратно сложил бумажку вчетверо, сунул ее в карман.

Глаза его сузились, лицо стало жестким, неузнаваемым. Он выбросил вперед руку, навстречу проезжающим мимо машинам. Одна из них подернула, скрипнув тормозами. Алексей наклонился, назвал адрес.

— Сколько даешь?

— А сколько надо?

— Ну, тысяч тридцать.

Две луны,

ришь. — Шофер с трудом подбирает слова, не скрывая своего замешательства.

— "Когда покупаешь билет на "Титаник", смешно экономить на первом классе."

— "Титаник"? — Шофер уже въезжал на узенькую улицу. — Это чего такое?

— Был такой пароход. Пошел ко дну. Вместе со всеми пассажирами. — Ответил Алексей, глядя в окно.

— А! — Хмыкнул таксист. — Понятно. Ну, так мы все на этом корабле плывем. В принципе... Все рано или поздно.

— Вот и я про то. Кто-то — раньше, кто-то — позже. Вопрос сроков. — Алексей достал бумажку, вынул деньги. — Держи. И — тормози. Вон он, седьмой.

Алексей нашел нужный ему подъезд. Вошел. Нажал было на кнопку лифта, но, не став дожидаться, пока тот придет, шагнул к лестнице. Пролет, другой, третий. Алексей ускорил бег, бежал наверх, быстро поглядывая на номера квартир. Шестой этаж. Квартира номер шестнадцать. Алексей остановился. Отдышался. Позвонил в дверь. Молчание. Алексей привалился спиной к обшивке, достал из кармана бумажку с адресом. Еще раз сверился с ней. Сунул ее в карман, снова надавил на кнопку звонка.

— Кто там? — Спросил из-за двери испуганный детский голос. — Алексей как-то разом

обмяк. Опешил.

— Мама нету. — Сказал детский голос.

— А папа? — Выдохнул Алексей.

— Папа будет через два дня.

Алексей отступил чуть в сторону. Тяжело оперся рукой о стену.

— Дяденька, только вы папе не говорите. Он просил, чтобы я не откликался. Ладно?

Алексей издал какой-то звук странный: то ли смехок, то ли всхлип.

— Дядя, а два дня это сколько? Две луны, три солнца, да? — Спросил мальчик.

Этажком выше кто-то открыл дверь. Голоса, шаги. Алексей отошел от двери под номером шестнадцать и побрел вниз, к выходу.

Он шел, и шел, пока кто-то не толкнул его в спину двумя руками, очень сильно. И, упираясь в его спину ладонями, протолкнул его на несколько шагов вперед. Алексей едва устоял на ногах. Оглянулся растерянно.

— Вы что-о?! — Молодая женщина перевела дыхание. — Она же на вас летела! Прямо на вас! Вон та "Волга", видите?!

Только теперь он понял, что он стоит на проезжей части, посреди дороги, и на светофоре — красный.

Молодая женщина молча взяла его за руку, повела на тротуар. Он шел за ней медленно и послушно.

— Простите. — Сказал он невпопад, и тут же поправил себя. — Спасибо. Она отпустила его руку. Алексей пошел вперед, прочь от улицы Ворошилова. Он прошел несколько

— Примерь, пожалуйста. — Протянула она куртку.

— Мама, не надо! — Алексей бережно отвел ее руки.

— Почему? — Спросила она тревожно, быстро.

— Я в плечах шире. Шире, чем он. — Мука-мученическая, мука: вытерпеть ее взгляд, глаза отвести, столкнуться со взглядом невестки, и снова отвести глаза.

— Что у тебя с рукой? — Спросила мать, коснувшись его ладони.

— Обжегся.

— Покажи, — мать взяла его руку. — Алешенька, что ты... она же у тебя пузырями пошла. Пойдем на кухню, я тебе смажу.

— Мама, ничего не надо. Все пройдет. Мне пора.

— Да, да, конечно, Алеша, тебе пора. — Мать присела на тахту, не отпуская руку Алексея.

— Тебе плохо? — Алексей наклонился к ней.

— Что? Да... Не-ет. Так... закачало... Давление, наверное. — Она прижала ладонь Алексея к щеке, не сдержалась, зарыдала:

— Асланчик, милый... маленький мой... мальчик мой. Алешенька, сынок! Я не могу, не могу больше... где он?.. Зачем... Зачем он туда поехал, Алеша? Ну, сделай что-нибудь, Алеша! Пожалуйста!..

У него же слабая грудь! Леша, ну сделай что-нибудь. Верни мне его, Леша!

Алексей стоял рядом, молча, еле сдерживаясь. Мать, уткнувшись в его ладонь,

целовала его, ласкала, орошала слезами. Алексей присел перед матерью, поцеловал ее в голову. Она уже не плакала, лишь всхлипывала.

— Да... да... тебе пора. Я жду, не дожусь твоей докторской.

Она отпустила его руку, попыталась улыбнуться и закивала головой.

— Иди, иди, Алеша.

— У меня лекция в четыре. Я пошел, мама.

— Алексей встал и, боком, быстрыми шагами вышел в коридор.

Шестилетний пацан, черноголовый, глазастый, налетел на него в коридоре, ткнувшись в колени с разбегу.

— Руська! — Алексей подхватил его на руки, прижал к себе. Слишком порывисто, должно быть. Не рассчитал. Не сдержался.

— Алеша! — Окликнула его невестка.

Алексей опустил племянника на пол. Повернулся к невестке. Не смотрела на него в упор. Мать осталась в комнате, слава Богу.

— Алеша... — Повторила невестка, не спуская с него испытующих глаз. — Ты... Ты знаешь что-то? — Тень страшной догадки скользнула по ее лицу. — Что-то знаешь? О чем?

— С чего ты взяла? — Он выдержал этот взгляд. — Рита?

— Ты как-то Руслана... Ты его так не обнимал раньше.

— Рита! — Окликнула невестку мать из комнаты. — Иди рукав приметай!

— Иди. — Сказал ей Алексей.

И она ушла, помедлив. Тогда Алексей опустился перед ребенком на корточки, обнял крепко, прижал его головку к груди.

Со стены на него с фотографии в раме смотрел улыбающийся Аслан с Руськой на коленях.

— Дядя Леш, пусти. Мне больно, — прошептал Руська. — Дядя Леш! Алексей, забывшись, так сжал его в объятиях, что тот начал задыхаться. Алексей очнулся, разжал объятия и стал целовать Руську, пряча от него слезы.

— Ого! — Какая-то студенточка выходила из женского туалета. — Алексей Имраныч, здравствуйте А вы... Куда?! Это-женский! Алексей кивнул, пятясь, отскочил от женского туалета. Привалился к стене коридора.

— Вам плохо? — Вернулась студенточка. — Вас тошнит?

— Нет, — Пробормотал Алексей. Грянул звонок. — Нет. Уже — нет.

— Вам надо печенье проверить. — Сказала студенточка со знанием дела. — У вас белки глаз — желтые. И под глазами мешки.

— Вот что... — Алексей поморщился. — Как вас? Игнатенко? Игнатенко, идите в аудиторию. Скажите — я отменяю занятие. Я себя чувствую... — он снова поморщился. — ...Неважно.

Алексей открыл дверь деканата. Вошел. Декан, молодой мужик, его ровесник, сидел за столом, доругивался с кем-то по телефону.

— Митя. — Сказал Алексей. — Дай мне отпущ. Дней десять.

— Ты что, спятил? — Декан положил трубку. — Ты у меня все лимиты исчерпал. По отпускам. Отпустил! Ты пятнадцатого док-

торскую защищаешь, ты вообще помнишь об этом?

— Давай отложим.

— Спятил?! — Повторил декан, закипая. — На когда?!

— На когда-нибудь...

— Ты — в уме?! — Заорал декан. — Митрофанов согласился оппонентом! Ты над ней год корпел! Я тебе публикацию пробил в "Научных записках", ты что, смеешься надо мной?! Алексей развернулся и пошел к дверям.

— Ты куда?! — Рывкнул декан.

— В отпуск. — Сказал Алексей, не оглядываясь.

— Ты... — Декан задыхнулся. — Ты... Уйдешь — можешь не возвращаться.

Алексей открыл дверь, так и не оглянувшись.

— Леша! — Окликнул его ничего не понимающий декан. — Стой!

Алексей повернулся к нему, стоя на пороге.

— Леша, ты что?! — Декан честно пытался понять, что происходит. — Ты... Ты вообще защищаться не будешь?

— Буду. — Сказал Алексей, помолчав. И улыбнулся уголками губ. Странная вышла усмешка. — Я буду защищаться. И — защищаться. И — защищать.

Алексей стоял напротив дома Максименкова, прислонившись к стене желтого здания. Курил и смотрел в окно, которое он уже вычислил. Ничего, кроме этого окна, он не видел.

— Ой, здравствуйте, — остановилась в двух шагах молодая женщина, проходившая мимо. Алексей поднял глаза.

— Вы меня не помните? Я вас недавно через дорогу переводила.

Алексей смотрел на нее невидяще, хмуро.

— Вы еще чуть под машину не угодили. Не помните? Ну, извините, — она улыбнулась, гася неловкость, и пошла дальше, оглядываясь и улыбаясь. Он вынул из кармана пачку сигарет, — пачка пуста. Он смял ее, собираясь бросить под ноги. Там, у ног, множество окурков. Штук десять. Алексей носком сдвинул их дальше, в газон, под дерево.

Алексей подошел к двери своей квартиры. Вставил ключ в замок. Какой-то шорох заставил его вздрогнуть и поднять голову.

Пролетом выше, у окна, стоял незнакомец. Тот, кто пришел к нему первым. Вестник беды. Алексей открыл дверь, не спуская глаз с незнакомца. Нежданный гость бесшумно сбегал вниз по ступенькам и первым вошел в квартиру.

— Куда ходил? — Спросил он негромко.

— По ягоды. — Алексей захлопнул дверь, скинул рюкзак с плеч. — Проходи. — Незнакомец молча покачал головой. — Садись. — Незнакомец прислонился спиной к стене прихожей и скрестил руки на груди.

— Как хочешь. — Алексей тяжело опустил на стул. — Я — сяду. Ноги не держат. Устал.

— Ты как его дом вычислил? — Спросил незнакомец угрюмо.

— А ты, что, следишь за мной? — Алексей поднял на него усталые глаза.

— Не слежу. — Ответил незнакомец. — Забочусь.

— Так когда будет пистолет? — Прервал его Алексей.

— Вот что... ты к этому дому больше не ходи. За этим я и пришел.

— Нет, — возразил Алексей твердо. — Я туда буду ходить. Я должен его увидеть. Когда я эту нечисть увижу, я...

— Не твое это дело, парень. Для тех, кто это делает, все будет гораздо проще.

— А ты считаешь, это так просто? — поднял голову Алексей.

— Просто. — Сказал незнакомец спокойно и жестко. — Когда мстить за кровника — это очень просто. Как дышать. Так же естественно. Он убил твоего брата, — ты убил его. Мы — волки. Они — собаки. Им бог — хозяин. Нам бог — свобода. Если собака сцепится с волком, кто верх возьмет? А? Чей бог победит?

— Это кто собаки? Русские?! — Алексей поднял на него глаза, закипая. — У меня мать — русская! Мне что, собакой ее величать прикажешь?!

— Ну-ну, ладно. — Мирнолюбово буркнул незнакомец. — У тебя мать — русская, а ты наш.

— Не знаю! — Выкрикнул Алексей, борясь с приступом внезапного гнева. — Я не знаю, кто я! — И он встал со стула, идя на незнакомца. — Во мне столько же одной крови, сколько и другой! Порвну! Ну, давай, разрубь меня пополам! Как рубить будешь?! Вдоль?! Поперек?!

— Тихо, тихо, тихо. — Сказал незнакомец. — Горячий какой! — И он хлопнул Алексея одобрительно по плечу. — Это — наша кровушка в тебе говорит. Голос крови. Нашей. Мне пора. — Добавил он без паузы.

Он подошел к двери, повернулся к хозяйке дома и сказал напоследок, тихо и твердо, не спуская с Алексея глаз:

— Значит, до сих пор не знаешь — кто ты? Так ведь они тебе сказали, кто ты. Когда убили твоего брата. Теперь ты знаешь. И чтобы возле того дома больше не крутился!

— Незнакомец громко хлопнул за собой дверь.

Был вечер. Дождливый и ветреный. Молодая женщина, та самая, что перевела Алексея через дорогу, а потом столкнулась с ним в дверях подъезда, бежала теперь по лужам, спешила.

Влетела в ворота своего двора. Зонта у нее не было, да ей бы его и не удержать, в каждой руке — по паре сумок.

Она промчалась мимо мужчины, сидящего на мокрой скамейке. Остановилась на минуту, задержала на нем взгляд. Он смотрел прямо перед собой. Сидел, ссутулившись, сунув руки в карманы. Женщина хотела было окликнуть его, поздороваться — но не решилась. Двинулась дальше, к подъезду.

Влетела в подъезд, позвонила сразу в две двери на первом этаже.

— Ирин Игнатьевна, вам — кефир. — Она сунула пакет с кефиром старушечки, открывшей одну из дверей. — Люд, тебе — помидоры.

— Вера, возьми Женьку. — Велела ей Люда, вышедшая из квартиры напротив. — Мой опять на рогах приполз. — И Люда подтолкнула к Вере дочку. — Сейчас начнется. Дым коромыслом. И kota заберит! Женька, где кот?

— Кота-то — зачем?! — Вера попробовала отбиться хотя бы от kota. — У меня — голубь, он его сожрет, Люда!

— У тебя — свой голубь, у меня — свой! — Люда выволокла откуда-то из глубин квартиры раскормленного сонного kota, сунула его дочери, выпихнула дочь с котом на лестничную площадку.

— Ве-ерунчик! — Изрядно подвыпивший субъект в линялой майке выглянул из-за Людиного плеча. — К-к нам!..

Во! — Сказала Люда. — Видала голубка? Все, идите!

Вера поднялась на шестой этаж, открыла дверь своей квартиры. Девочка шла за ней, тараторя:

— Знаете, почему мы kota берем? Теть Вер?.. Потому что он его пивом спавивает, Петр Федотыч. Сам набухается, и kota...

— Жень, не набухается — а выпьет. — Вера бросила сумки в прихожей, схватила kota, спрятала его в ванной комнате. — Мы его в ванной запрем, а то он голубя сожрет. Ты есть хочешь?

Она включила свет в кухне, снимая на ходу плащ, подошла к окну. Мужчина сидел во дворе, на скамейке, в той же позе. Дождь пошел сильнее, стемнело совсем.

— Жень! — Сказала Вера, не отрывая взгляда от одинокой фигуры, ссутулившейся на мокрой скамье. — Достань зонтик. За шкафом.

— Теть Вер, забыли? — Откликнулась девочка, уже что-то жуя, деловито, по-хозяйски обшарив холодильник, вытащив оттуда коробку конфет. Голубь сидел на кухонном столе, клевал что-то. — Вы же в магазине его потеряли.

— А-а... Я сейчас. — Пробормотала Вера, не отводя взгляда от окна, снова надевая плащ. — Дверь не запирай! — Крикнула она уже из прихожей.

— Здравствуйте.

Алексей поднял глаза. Молодая женщина стояла перед ним, поеживаясь зябко.

— Вы меня не узнаете? — Спросила она. — Я вас через дорогу... Ну, это неважно. Я вам зонт хотела вынести, но он сломался.

Алексей смотрел на нее молча. Он, похоже, выпил изрядно, но не захмелел. Мутная злая тоска и усталость — все, что она могла прочесть в его взгляде.

— Вы кого-то ждете? — Спросила Вера. Он подумал — и кивнул.

— Может, вы ищете кого-то?.. У вас... Беда какая-то? Да? Я же вижу.

Алексей отвел глаза, не проронив ни слова.

— Вот что. — Сказала Вера решительно: — Чем под дождем мочиться... Знаете, что? Давайте поднимемся ко мне. Вы хоть обсохнете. Вы же заболете! Пойдемте.

Он не двигался с места. Тогда она осторожно взяла его руку и легонько потянула ее на себя. Алексей помедлил — и встал со скамьи. И пошел за Верой послушно.

три солнца

(Отрывок из сценария)

ко шагов и оглянулся. Он смотрел на улицу Ворошилова, а женщина — на него. Она стояла у светофора, не спуская с Алексея внимательных, сочувствующих глаз. Ей было лет двадцать пять, не больше. Потом они разошлись в разные стороны.

Ему открыла невестка. Она еще ничего не сказала, а глаза уже спрашивали, — огромные, черные, запавшие: "Что? Есть новости?"

— Что? — Спросила она быстро. — Знаешь что-нибудь?

— Ну, кто же через порог-то. — Алексей вошел в маленькую прихожую. Невестка не сводила с него вопрошающих глаз.

— Нет. — Сказал, он помедлив, глядя вбок, в сторону. — Никаких новостей. — Каждое слово он из себя вытаскивал, выбивал, вымучивал. — Никаких. Мать дома?

— Дома. — Невестка вздохнула коротко, облегчения и горечи в этом вздохе было пополам. — Она сегодня — лучше... — Зашептала невестка, идя за Алексеем по коридорчику. — Пободрее. Она куртку ему решила шить.

— Куртку? — Алексей оглянулся на нее резко. — Кому?

— Кому... Аслану. А я ей помогаю. А что... Руки заняты. Уже легче.

Мать сидела в своей комнате, за швейной машинкой, приметывала что-то на рукав. Она подняла глаза на Алексея, застывшего в дверном проеме, и взгляд у нее был такой же, как у невестки, — вопрошающий, надежда пополам со страхом.

— Здравствуй, мама. — Сказал Алексей сипло и закашлялся. — Нет ничего пока. Никаких вестей.

— Ты простыл. — Мать опустила глаза к шитью. — Октябрь, а у тебя грудь нараспашку. Я решила ему куртку шить. Вот крестик вышиваю.

Она снова подняла глаза на сына. Она была еще красивой, во всем ее облике, в том, как она говорила, и как молчала, и как поправляла узел мягких светлых волос на затылке, — чувствовалось спокойное достоинство и сдержанная сила. Порода. Следы породы.

— Он ведь вернется к весне. Непременно. — Сказала она убежденно и твердо.

— Мама... — Алексей говорил нарочито бодро, а сам прятал глаза. — Мы с Асланом крещенье?

— Нет, сынок, — мать продолжала заниматься шитьем. — Когда ты родился, помню, мои пристали — давайте крестить. Родные Имрана с другой стороны — давайте, мол, по-нашему чтобы. А мы молодые, комсомольцы — сам знаешь. Тогда ведь все искренно было, верили в другое. А когда Аслан родился, уже и речи не было. Да и отец ваш покойный — учитель все-таки — не пристали бы. — Мать откусила нитку, взглянула на Алексея. — А почему ты спросил?

— Да так. Просто.

— А-а-а. — Рассеяно согласилась мать. — Подойди, Алеша.

Алексей подошел, стал рядом.

Заканчивая сцену —